

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ
ПОНИМАНИЯ И ПОЗНАНИЯ**

© 2017

Мамычев Алексей Юрьевич, доктор политических наук, заведующий кафедры
«Теория и история российского и зарубежного права»

Мордовцев Андрей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор кафедры
«Теория и история российского и зарубежного права»

Шестопал Сергей Станиславович, кандидат юридических наук, доцент кафедры
«Теория и история российского и зарубежного права»

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
(690014, Россия, Владивосток, ул. Гоголя 41, e-mail: ss.shestopal@yandex.ru)*

Аннотация. Специфику правового мышления России невозможно раскрыть без учета как конкретно-исторического развития российского права, так и социокультурных условий трансформации последнего. Становление правовой идентичности отечественной правовой системы происходит со времени появления первого закона Древней Руси (Русской Правды), в котором, формируются ключевые юридические понятия, которые прочно входят в правовую культуру российского общества. В настоящее время в научно-исследовательской практике происходит актуализация проблематики национальной правовой и политической идентичности, специфики национальной правовой системы и самобытных векторов ее развития. Исследование определенных аспектов правовой ментальности, фиксация понятия «правовой (юридический) менталитет» в категориальном аппарате общей теории права и государства позволит значительно расширить горизонт понимания особенностей становления, динамики и функционирования отечественной правовой системы, обнаружить скрытые смыслы и ресурсы развития российского государства. Сторонники этицистского позитивизма не вовлекают этическое измерение в правовую реальность, тогда, как их оппоненты (представители естественно-правовых доктрин, исторической школы права и др.) огромное значение придают именно морально-нравственной легитимации позитивного права, ищут самые разные точки соприкосновения для этих социальных норм, выявляют противоречия и т.п. Внутри религиозно-традиционного подхода среди правоведов сохраняется дискуссия, по вопросам отождествления духовной и религиозной культуры и жизни общества; о недопустимости теоретико-методологического расширения самого объема категории «право»; различение же права и закона «абсолютизируется», в котором право утрачивает целый ряд институционально-формальных признаков. Исследование макропроцессов отечественного правового пространства потребовало методологии, способной выявить сложнейшие комплексные феномены правового сознания – ментальность правового уклада России, архетипические образы русского правового духа

Ключевые слова: Право, правовая система, правовая идентичность, правовое мышление, правовой менталитет России, политическая идентичность, глобализация, либерализм, консерватизм, власть, государство, институты, культура, общество.

**SOCIO-CULTURAL BASES OF TRANSFORMATION OF THE NATIONAL STATE ORGANIZATION:
LEGAL PROBLEMS OF UNDERSTANDING AND COGNITION**

© 2017

Mamychev Alexey Yurievich, Doctor of Political Sciences, PhD. Legal Sciences,
Head of “Theory and History of Russian and international law”

Mordovtsev Andrey Yuryevich, Doctor of Law, Professor
of “Theory and History of Russian and international law”

*Vladivostok State University of Economics and Service
(690014, Gogolya 41, Vladivostok, Russia, e-mail: aum@yandex.ru)*

Shestopal Sergey Stanislavovich, PhD in legal sciences, associate professor of the Department
of “Theory and History of Russian and international law”

*Vladivostok State University of Economics and Service
(690014, Gogolya 41, Vladivostok, Russia, e-mail: ss.shestopal@yandex.ru)*

Abstract. The particularity of the legal thought of Russia it is impossible to develop without taking into account the specific historical development of the Russian law and socio-cultural conditions of the transformation of the latter. The formation of the legal identity of the national legal system is the first law of Ancient Rus (Russian Truth), which formed the key legal concepts that are important in the legal culture of Russian society. Currently in research and practice mainstreaming of national legal and political identity, the specifics of the national legal system and distinctive vectors of its development. Study of certain aspects of the legal mentality, the fixation of the notion of “legal (legal) mentality” in the categorical apparatus of the General theory of law and state will greatly expand the horizon of understanding of formation, dynamics and functioning of the national legal system, to detect hidden meanings and resources development of the Russian state. Etaticeskogo supporters of positivism do not involve the ethical dimension of legal reality, then, as their opponents (representatives of the natural law doctrines of the historical school of law etc.) is of huge importance that is the moral legitimation of positive law, looking for a variety of points of contact for these social norms reveal contradictions, etc. Within the religious-traditional approach among legal scholars, there remains the discussion on the identification of spiritual and religious culture and society. the inadmissibility of theoretical and methodological expansion of the scope of the category of “law”; the same distinction of law “absolutized” in which the right loses a number of institutional and formal characteristics. The study of macro-processes of the domestic legal space required a methodology capable of detecting complex phenomena of legal consciousness – the mentality of the legal structure of Russia, the archetypal images of the Russian legal spirit

Keywords: law, legal system, legal identity, legal thinking, legal mentality of Russia, political identity, globalization, liberalism, conservatism, government, institutions, culture, society, political system, rights, state evolution, institutions, traditionalism, politics, postmodernism, socio-cultural transformations.

Постановка проблемы. Конституция Российской Федерации гласит, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, уважение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязатель-

ство государства. Это официальное отношение современных российских государственных прав человека и их место в государственной системе и правовой стране. Это отношение, конечно, изменилось за годы реформ.

Однако трансформация российского государства по-прежнему далека от целей, которые ему были даны вначале, и не секрет, что Декларация Конституции является более целевыми идеями, чем реальность. Написанные в Конституции и других законах, правилах и принципах на практике практически являются пустым заявлением, а граждане, права которых были нарушены государственными органами и должностными лицами, трудно достичь справедливости и исполнения их законных требований.

Права человека по-прежнему не являются важным фактором национального развития. И это в значительной степени особый тип российского правового мышления, проявившийся с момента рождения российского государства. Характеристика российского правового мышления и его развитие и будут рассмотрены в этой работе.

Специфика правового мышления России невозможно раскрыть без учета как конкретно-исторического развития российского права, так и социокультурных условий трансформации последнего.

Становление правовой идентичности отечественной правовой системы, очевидно, долгий и неоднозначный процесс. Со времени появления первого закона Древней Руси (Русской Правды) формируются уже ключевые юридические понятия, которые прочно входят в правовую культуру российского общества. Например, под «законом» понимается вся правовая система, словом «суд» обозначается - поведение дела, «негодование» - нарушение закона, «клепаты» - обвинять. Такие термины, как «действие», «осторожность», «вердикт» и «аргумент», сохранили совпадение с их современным пониманием. Вообще языковая культура является фундаментом любой правовой системы.

Становясь на путь независимого исторического развития гораздо позже многих европейских стран, российская правовая культура в то же время не попала под полное влияние классических форм западноевропейской цивилизации, не испытывали тотального влияния античной культуры, включая ее юридические традиции. Римское право, ставшее основой, европейской правовой культуры и нравственности было во многом неизвестно русским князьям. Влияние Восточной Римской империи - Византии, столь глубокое в других областях общественной жизни, не было значительным в области права, даже с учетом так называемого «периода Хроники» (X-XVII столетия).

Это начальный период развития российского законодательства, существенной чертой которого стало доминирование в будущем распространности в юридической сфере традиционных этических принципов правового этикоцентризма.

Например, большинство западноевропейских исследователей считают, что русский народ существовал в царстве свободы по-своему - через истину внутри, а не извне, формировал собственные (специфические, самобытные) институты государственно-правового регулирования. Такой позицию разделяют и многие современные исследователи юристы. В.Н. Синюков отмечает, что ценность права в отечественной ментальности не в том, чтобы обеспечить формальную строгость законности, а в осознании его идентичности с глубоким пониманием духовно-нравственной жизни и народного быта [1, с. 158].

В настоящее время в научно-исследовательской практике, под воздействием глобализации и процессов правовой унификации и социально-политической типизации, обуславливающих цивилизационные риски и угрозы, происходит актуализации проблематики национальной правовой и политической идентичности, специфики национальной правовой системы и самобытных векторов ее развития.

Эти тенденции просматриваются в обилии научных публикаций: в работах А.М. Величко, В.Ю. Верещагина,

В. А.Г. Дугина, А.А. Королькова, Т.В. Кашаниной, А.Н. Кольева, В.Я. Любашица, О.В. Мартышина, А.И. Овчинникова, В.Н. Синокова, А.В. Серегина, М.Б. Смолина, В.В. Сорокина, О.И. Цыбулевской и др. посвящены изучению российской государственно-правовой идентичности [1-13]. Конечно же, все авторы особое внимание в исследованиях идентичности уделяют особое внимание вопросам существования, формирования и развития российского правового менталитета.

Имплицитно возникает вопрос и об обновлении теоретико-методологических принципов правовознания. Понимание того, что «право – это не только набор установленных или признаваемых норм и требований, но также разновидность повторяющегося и устойчивого общения, в котором его участники обмениваются определенными пристрастными суждениями, ...поддерживают дух законопослушности и добропорядочной гражданственности», что любой принятый, введенный в действие и действительно работающий кодекс законов или властный институт (президент, присяжные заседатели и т.п.) есть своеобразный слепок, концентрат интеллектуальных и моральных взглядов общества в данный период, результат эволюции, сложного переплетения множества факторов, определяющих национальную традицию права [8].

Исследования определенных аспектов правовой ментальности, фиксация понятия «правовой (юридический) менталитет» в категориальном аппарате общей теории права и государства позволит значительно расширить горизонт понимания особенностей становления, динамики и функционирования отечественной правовой системы, обнаружить скрытые смыслы и возможности (собственные ресурсы) развития российского государства. Внутри правового менталитета находят себя различные оппозиции – рассудочное и эмоциональное, индивидуальное и общественное, рациональное и иррациональное, собственное и «заёмное», национальное и интернациональное, символическое и ценностное и т.д. С его помощью не только толкуют национальные и цивилизационные юридические и политические трафареты, но и стремятся выявить принадлежащие тому или иному социуму, этносу, нации образ и логику правового мышления, аксиомы правосознания, отзывчивость к чужому опыту, готовность ассимилировать новые социально-правовые и политические ценности и др [14-16].

Возникающие на уровне научных интуиций разнообразные фрагменты ментального измерения российского права встречаются в гуманитарной литературе уже достаточно давно. «Не я виноват, – писал В. Ключевский, – что в русской истории мало обращают внимание на право: меня приучила к тому русская жизнь, не признававшая никакого права». А.Герцен рассматривал неуважение к праву как историческое преимущество русского народа, свидетельство его внутренней свободы и способности построить новый мир [14]. Русские анархисты считали право, наряду с государством, инструментом прямого насилия и т.д.

Правопонимание в современной России: формирование нового дискурса. В правоведении нет вопроса более сложного с одной стороны, и более обсуждаемого с другой, чем проблема правовознания, что, в общем то и понятно: от того или иного подхода к сущности права зависит содержание и формы правотворческой деятельности, специфика толкования права, критерии оценки правоприменительного процесса и его результатов и др. Заметим и то, что от того, какой тип правовознания «исповедуется» тем или иным исследователем напрямую зависит и степень вовлеченности моральных (и шире – духовных) аспектов в конструируемый им юридический мир.

Так, сторонники этикоцентрического позитивизма не вовлекают этическое измерение в правовую (точнее, государственно-правовую) реальность, тогда, как их оппоненты (представители естественно-правовых доктрин, истори-

ческой школы права и др.) огромное значение придать именно морально-нравственной легитимации позитивного права, ищут самые разные точки соприкосновения для этих социальных норм, выявляют противоречия и т.п.

Например, Г. Кельзен пишет: «Тезис о том, что право по своей природе морально, т.е., что лишь моральный социальный порядок есть право, отвергается чистым учением о праве... Ведь считается само собою разумеется, что собственный государственный принудительный порядок есть право... А раз собственный принудительный порядок есть право, то, согласно приведенному тезису, он должен быть также и моральным... Ведь правоведение вовсе не должно заниматься легитимацией права, оно вовсе не обязано оправдывать изучаемый и описываемый им нормативный порядок – ни с помощью абсолютной, ни с помощью относительной морали.

Принципиально иных позиций придерживались русские правоведы, создавшие классический (для России) дискурс права: от И.А. Ильина и Н.М. Коркунова именно моральное (в православно-христианской или светской интерпретации этого феномена) измерение права, закона, «правосудности» и является основным предметом философско-правового изучения. Как соотносится Закон и Благодать в православном мире [5]? Что есть «Правда» как традиционный правообразующий и сложный по природе синкрет истины, морали, справедливости? Эти вопросы, весьма «замыленные» советской юридической мыслью и отвергаемые (как «юридические химеры») современными либерально или позитивистски ориентированными правоведами, в переходный период развития российского государства и права, в контексте поиска новой парадигмы все же дают о себе знать, получают свое отражение, правда, еще в немногочисленных монографиях и научных статьях, авторы которых, в целом, разделяют мнение Л.А. Тихомирова о том, что «в подкладке учреждений, искусств, верований, политических правительств каждого народа находятся известные моральные и интеллектуальные особенности, из которых вытекает его эволюция» [8].

Ясно, что рассмотрение различных, пусть даже конкурирующих типов правопонимания, способов осмысления юридической, политической, духовной сфер социума – это, в методологическом плане, необходимые смыслообразующие моменты магистрального для современной юридической науки процесса культурной идентификации национального права.

В теоретико-методологическом ракурсе современное российское правоведение, переживая отказ от теоретико-методологического монизма, «изживая» господство марксистско-ленинской доктрины, на самом деле (при их многообразии), замкнулось на двух типах правопонимания – позитивизме (который весьма часто обозначают как «нормативизм») и проблемах естественного права, – ограничив, таким образом, свой предмет. Право, мораль, идеология, «национальная идея», правовая политика редуцируются к одному из двух начал (воле государства, властных элит, классов или к «природным», неизблемым правам человека), представляются в качестве продуктов исключительно рационального обсуждения, исключительного конструирования или договора.

Иные позиции либо игнорируются, либо подвергаются весьма жесткой критике. Однако именно духовно-культурологическое измерение правовой системы, рассмотрение ее сквозь призму основных компонентов глубинной этно-национальной инварианты, с одной стороны, позволяет выявить природу и особенности процесса социализации позитивного права, его фактическую легитимность, специфику включения юридических форм (как собственных, так и инокультурных) в постоянно развивающийся общественный организм, а с другой – увидеть и изучить те социокультурные факторы, в силу которых право в процессе позитивации, часто теряет свою (собственно юридическую) сущность и логическое

содержание, перестает быть нормативно-институциональным выразителем и носителем идей, представлений о справедливости, ответственности, обязанности, о возможном и должном поведении индивидов и их групп в конкретном социуме и др.

На принципиальную возможность такого рода ситуации указывали и некоторые российские правоведы, считающие, что по мере развития законодательства, его изменения (особенно, в условиях правовой системы переходного периода, в контексте ее типологических характеристик) противоречия между правом, законом и национальными нравственными установками только углубляются. «Нравственное значение закона ослабляется и утрачивается в массе законных статей и определений, нагромождаемых в непрерывной деятельности законодательной машины, и напоследок самый закон в сознании народном получает значение какой-то внешней силы, неведомо зачем ниспадающей и отовсюду связующей и стесняющей отправление народной жизни».

Заметим, что бывают также случаи, когда основанные на подлинно народной духовной матрице нравственные идеалы, деловые обыкновения оказываются более прогрессивными, чем навязываемые, «продавливаемые» правительственной властью нормативно-правовые акты (например, в период петровского реформирования). В этой ситуации именно моральные нормы, а также сопряженные с ними народные обычаи, традиции, привычные формы поведения оказываются (пусть и неправовым), но, очевидно, стабилизирующим фактором, компонентом духовной сферы жизни общества, в какой-то мере, сдерживающим реформаторские устремления и корректирующим волонтаризм их субъектов.

Правда, Н.М. Коркунов отмечает и иной вариант, когда «право создается не старыми народными обычаями, а сильной правительственной властью, не связанной безусловным подчинением народным воззрениям, законодательство может, наоборот, исходить из нравственных понятий, далеко опережающих собой общий уровень нравственного развития данного общества», но, очевидно, что это есть нечто иное, как «идеал идеалов», феномен, весьма редко встречающийся в мировой истории, хотя бы в силу того, что при такой ситуации законодатель должен быть «над -» или «внеациональным» субъектом правовой жизни, носителем принципиально отличающихся от общих, принятых в конкретном социуме нравственных правил, которые могут стать и ориентиром повышения народной нравственности, источником изменения национального юридического мировоззрения и содержания правовой ментальности. [15] Все это, конечно, хорошо и весьма заманчиво, но только как весьма «затеоретизированная» гипотеза (откуда же можно «взять» такого законодателя, «свободного» от моральных, религиозных и прочих социальных установок?).

Ясно, что в современной российской теории права просто не могло не возникнуть стремления к поиску некоего «третьего пути» в сфере правопонимания и оно (вначале весьма «робко») появилось (наверное, некой отправной точкой здесь стала вышедшая в 1994 г. монография В.Н. Синюкова «Российская правовая система») [1]. Хотя, в общем то, пока не так много работ, авторы которых стремятся преодолеть позитивистско-юстициалистскую коллизию и вовлечь в исследования различные, прежде всего, духовно-культурные аспекты национального юридического (как, впрочем, и политического) бытия.

Под сомнение поставлены многие методологические постулаты, принадлежащие как диалектико-материалистической теории права и государства (сопряженному с ней юридическому экономизму), так и схожим, но все же, несколько отличающимся естественно-правовым концепциям (классическим и современным), а также конкурирующим с ними нормативистски-позитивистским доктринам.

В итоге, к настоящему времени, на «фронте борьбы» различных типов правопонимания, как представляется, обозначились две, видимо, одинаково непродуктивные (как в теоретическом, так и в практическом планах) теоретико-методологические крайности, которые при всем их содержательном различии все же «укладываются» в следующее суждение М.О. Меньшикова: «К сожалению, у нас история идет судорожными скачками: государственность наша то бесконечно отстает от новых условий, то катастрофически спешит к ним приспособиться, и в результате создаются события там, где достаточно было бы простого хода вещей», т.к. такого рода «схему развития», естественно, можно отнести не только к русскому государству, но и к отечественному праву и, конечно же, к российской юридической науке.

Итак, к первой такой «крайности» следует отнести получившую распространение в последние три-четыре года борьбу с так называемыми «юридическими химерами», т.е. появлением в правоведении новых категорий, терминов, концептуальных подходов. Включившиеся в эту борьбу исследователи (И.Ю. Козлихин, Е.Б. Хохлов и др.) упрекают ряд авторов в излишнем увлечении современными философскими доктринами (герменевтикой, феноменологией, синергетикой, теорией систем и т.п.), что, конечно же, приводит к возникновению новых понятий, концептуальных подходов и что еще более «страшно» пересмотру имеющихся в специальной литературе оценок, позиций в сфере теории государства, теории права (юридической догматики, юридической социологии и др.) [8].

Причем, чаще всего, трудно понять каких же теоретико-методологических позиций придерживаются сами «антихимеристы», этому либо мешает излишне критический пафос их статей (в полемическом пылу забывают обозначить собственные теоретико-методологические пристрастия!), либо эти авторы намеренно «скрывают» свои философские симпатии, хотя возможно и то, что пока они сами находятся в методологическом поиске.

Ясно, однако, что «интернационализация» российской юридической науки, подобно например, «общей философии» и «общей социологии» (за которую ратует, например, проф. И.Ю. Козлихин) неизбежно приведет к расширению методологической основы отечественной теории права и государства, т.к. знакомство с имеющимися место, например, в западной традиции философскими, политологическими, социологическими и иными доктринами как раз и вызовет тот «методологический соблазн», за который «борцы с юридическими химерами» в праве как раз и подвергают критике некоторых, может быть, в большей степени философски или социологически продвинутых исследователей [14-22].

Примерно в этом же контексте полемизирует в последние годы и проф. О.В. Мартышин, который одинаково «беспощаден» (конечно, в научном плане) и к представителям либерального («либертарного») направления юридической мысли (ссылаясь на работу П. Селфа объявляет их «экстремистами от либерализма»), и к исследователям прямо противоположного направления – православной теории права (В.В. Сорокину., А.М. Величко, Н.А. Нарочницкой и др.) [14-16]. Причем, даже более умеренным консерваторам (или вовсе не консерваторам) от него тоже «досталось» [6].

Так, Г.В. Мальцева за такую, казалось бы «невинную» фразу, сделанное в ходе научной полемики замечание или предположение о том, что «рационализация права, как ее понимал, например, М. Вебер, на протяжении множества столетий методично вытраивала жизненный смысл правовой системы» и что «путь к обновлению российского права лежит через религиозное возрождение», О.В. Мартышин «подозревает» стремление «клерикализировать» правовую теорию, вытеснить из нее рациональные формы познания [5].

Можно, конечно же, и продолжить, но необходимо остановиться и на второй «крайности» в современной

российской теории права. К ней стоит отнести, очевидно, излишнюю гиперболизацию православного компонента в дискурсе национального права. Вообще, актуализация православных, религиозно-нравственных оснований права в современном российском правоведении, безусловно, позволяет в значительной мере продвинуться в решении проблемы идентификации российского права, понять особенности отечественной правовой культуры, ее место и роль во всемирном историческом процессе (в этом плане работы А.М. Величко, Р.С. Байниязова, В.А. Цыпина и др. имеют определенное юридико-культурологическое значение). Однако в последние годы на этом пути наметились, как нам кажется, и некоторые «перегибы» (и здесь показательно вышедшее в 2007 г. монографическое исследование В.В. Сорокина «Понятие и сущность права в духовной культуре России»)[16].

Отметим некоторые весьма дискуссионные и, в общем то, типичные для правоведов, придерживающихся принципов религиозной традиции моменты:

а) отождествление духовной и религиозной культуры и жизни;

б) очевидно, недопустимое в теоретико-методологическом плане расширение самого объема категории «право», когда не только «право и нравственность неразличимы ни по предмету, но по источнику происхождения», но и в качестве «составляющих Право компонентов» выделены, ни много, ни мало «Бог, Народ, Православная Церковь, Государство, Правда, Православная вера, Законодательство...»;

в) различение права и закона доводится в буквальном смысле до «абсолютного», в итоге право просто утрачивает ряд имманентных институционально-формальных признаков.

Этими положениями, естественно, не исчерпываются возражения против такого рода подходов к пониманию права. В целом, на методологическом уровне, наблюдается некий «замес»: смешаны два, имеющие свои особенности и точки соприкосновения, но все же принципиальным образом различающиеся «культуральных тропы»: научное познание (наука) и религиозное мироощущение, мирозерцание (религия). Хотя, выделение культуросообразной роли русского Православия, осмысление его в качестве одного из важнейших источников российской правовой системы имеет огромное значение, т.к. позволяет, кроме всего прочего, преодолеть тенденции универсализации прав человека, нивелирование национальных политико-правовых констант и т.п.

В заключение, обратим внимание на то, что поиск новых эвристических ориентиров в рамках проблемы правопонимания, а точнее осмысления национальной правовой реальности следует вести что называется «где-то посередине», здесь важно преодолеть (конечно же, взяв все методологически полезное) обозначенные выше теоретические позиции, отказаться от иных идеологических фетишей и выйти в весьма широкое поле и, как представляется, весьма продуктивное поле культурно-исторического направления в современной теории права и государства. Исследование макропроцессов отечественного правового пространства требует выработку методологии, способной выявить сложнейшие комплексные феномены правового сознания – ментальность правового уклада России, архетипические образы русского правового духа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Синюков В.Н., Российская правовая система. Издательство Норма, Москва, 2010, 672 с.
2. Макаренко В.П. Российский политический менталитет // Вопросы философии. 1994. № 1.
3. Максимов С. И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. Харьков, 2002. 289 с.
4. Мамычев А.Ю., Шестопал С.С. Права человека и публично-властная организация в XXI веке: социокультурный анализ. // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 3 (16). С. 262-266.

5. Мамычев А.Ю., Тимофеева А.А., Филиппова М.К. Проблемы теории и истории российской государственности. Москва, 2017.

6. Мамычев А.Ю., Мордовцев А.Ю. Легитимность публичной власти в современной России: особенности понимания социокультурных оснований. // История государства и права. 2016. № 21. С. 49-54.

7. Мамычев А.Ю., Безматёрных Т.А. Насилие и властные институты в российской политико-правовой реальности. Мордовцев А.Ю. // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. Т. 8. № 4 (35). С. 18-26.

8. Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю. Правовой менталитет как основание исследования национального права и публично-властной организации в XXI веке. // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 444-447.

9. Качурова С.В., Качуров Е.В., Шестопап С.С. Присутствие религии в евразийском социуме. // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. Т. 8. № 4 (35). С. 195-204.

10. Мамычев А.Ю., Шестопап С.С. Консервативные политические платформы трансформации публично-властной организации на евразийском пространстве // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 3 (16). С. 237-241.

11. Shestopal S. S., Oleynikov S. N. Theoretical foundation of human rights: J. Maritain philosophy of natural law. / Journal of Scientific Research and Development, 3 (6) 2016, Pages: 96-103.

12. Шестопап С.С., Олейников С.Н., Мамычев А.Ю. Философия естественного права Жака Маритена как теоретический фундамент прав человека. // Юридические исследования. — 2016. - № 11. - С.45-59.

13. Яковюк И.В., Мамычев А.Ю., Шестопап С.С. Европейский союз сквозь призму имперской модели власти. // Право и политика. 2016. № 12. С. 1473-1481.

14. Мамычев А.Ю., Качурова С.В., Шестопап С.С. Социокультурные (архетипические) основы трансформации публично-властной организации: формы и направления. // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 375-380.

15. Shestopal S.S., Lyubashits V.Y., Astakhov V.V., Pismennaya E.E., Ryazantsev S.V., Fedulov A.M., Barsukov P.V. Features of building control systems sub-locality in modern Russia // International Review of Management and Marketing. 2016. Т. 6. № S1. С. 78-83.

16. Сорокин В.В. Понятие и сущность права в духовной культуре России. Монография / В. В. Сорокин. Москва, 2007.

17. Мамут Л.С. Правосознание // Общественное сознание и его формы / Под ред. В.И. Толстых. М., 1986. 448 с.

18. Мамут Л.С. Стратегия взаимодействия государства и гражданского общества в условиях современной России // Государство и право на рубеже веков. Проблемы теории и истории: Материалы Всероссийской конференции. М., 2001. 216 с.

19. Levinson D. National Characters: The Study of Modal Personality and Sociocultural Systems // The Handbook of Social Psychology. 1969 (1954) Vol.4.

20. Maine H.S. Ancient Law: Its Connection with the Early History of Society and Its Relation to Modern Ideas. Boston, 1985.

21. Moor Jr. B. Social Origins of Dictatorship and Democracy. L., 1996.

22. Fuller L. The Morality of Law. New Haven, Conn., 1964.

Статья поступила в редакцию 24.09.2017

Статья принята к публикации 26.12.2017

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ № МД-6669.2016.6